005012265

На правах рукописи

ПЕТРОВ Вадим Евгеньевич

ПРАКТИКИ ПРАЗДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

12 МАР 2012

Великий Новгород – 2012

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого».

Научный руководитель:

доктор философских наук, доцент
Некита Андрей Григорьевич.

Официальные оппоненты:

доктор политических наук, доцент
Баранов Николай Алексеевич;

кандидат философских наук, доцент
Прокофьев Евгений Яковлевич.

Ведущая организация:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования **Национальный исследовательский «Томский политехнический университет»**.

Защита состоится 28 марта 2012 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета Д 212.168.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого по адресу: 173014, Великий Новгород, Антоново, Гуманитарный институт, ауд. 1201.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Автореферат разослан «28» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук,
доцент Маленко Сергей Анатольевич

Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования. Праздность как совокупность особых культурных практик, обуславливающих специфическое духовное состояние человека – достаточно новый предмет изучения для современной философской и культурологической мысли. Традиционно подобные исследования акцентируют внимание на феномене праздника как важнейшем культурном явлении, изначально присутствующем и легитимизированном в любом обществе. При этом и научным, и обыденным мышлением практически не замечается различная смысловая трактовка и содержание категорий праздника и праздности: в то время как праздник понимается как сложный социокультурный феномен, как день или несколько дней, приуроченных к «официальному» празднованию какой-либо памятной даты (государственной или семейной), то «праздность» оказывается нагруженной иными, более негативными смысловыми оттенками, и трактуется как «лень», «безделие», «беспутность» и «порочность» и т.д. Таким образом, праздник интерпретируется как социально-допустимое и культурно-значимое *событие*, а праздность – как недопустимое, неодобряемое *состояние*, в чем изначально заложена основа для культурного конфликта.

Принципиальное отличие понятий праздности и праздника подчеркивает российский философ О.П.Зубец, полагая, что культурная связь между ними настолько не однозначна, что при определенном взгляде на нее оказывается, что эти феномены предстают смысловыми антиподами. Мы полностью разделяем эту позицию и будем придерживаться именно ее при анализе практик праздности, фиксируемых вне или независимо от того или иного официального праздничного события. Традиционное толкование праздника как антитезы будней с их трудом и заботами восходит в русской культурологической науке к И.Снегиреву, понимавшему *праздник* как *упразднение,* свободу от будничных трудов, соединенную с весельем и радостью. Праздность же представляет собой иное, но не менее сложное и актуальное для культурологического изучения явление, и потому также нуждается в содержательной конкретизации.

Исходя из этого, праздность в настоящей работе исследуется в многообразных культурных контекстах, прежде всего, относящиеся к молодежной среде, через те особые *практики*, которые и являются единственной формой ее социокультурного существования. Понятие *практик* (в том числе, применяемое к праздности) используется нами в значении особой культурфилософской категории, выходящей за рамки традиционного значения понятия «практика» как активной и целесообразной деятельности человека.

Кроме того, феномен праздности, и не тождественным, собственно *праздникам*, практик праздности – явление, широко распространенное в современной культуре, и, прежде всего, в культурных практиках определенных слоев населения и молодежных сообществ. Глобальные социальные трансформации, которые испытывает человечество в последнее время кардинально изменили и способы понимания как самого праздника, так и

праздности. Здесь наблюдается спектр мнений, в рамках которых праздное бытие молодежи воспринимается от абсолютно деструктивного до несомненно позитивного социокультурного явления. Традиционное западное общество, основанное на культе производства со временем трансформировалось в общество потребления, что кардинально меняет исторически сформировавшиеся представления о социокультурной диалектике труда и праздника, дела и безделия, добра и зла и т.д. Подобная ситуация требует от современных исследователей уделить более пристальное внимание практикам праздности, особенностям формирования и протекания современного праздного бытия, а поскольку «культурная апробация» подобных практик в современной истории была осуществлена именно представителями ряда молодежных сообществ Запада, то актуальность заявленного исследования представляется достаточно важной и обоснованной.

Также актуальность исследования связывается с необходимостью систематизации и анализа практик праздности и соответствующих культурных стратегий молодежи, оценки значения и влияния практик праздности на духовное развитие вовлеченных в подобные практики отдельных личностей и общества в целом. Для современных практик праздности характерен социокультурный дуализм: депривация, понимаемая как утрата человеком важнейших личностных качеств, и элитизация, интерпретируемая как индивидуальное самосовершенствование, восхождение личности или социальной группы до состояния выдающейся, элитарной, избранной. Несмотря на всю парадоксальность этой ситуации, некоторые культурные практики праздности и их результаты, демонстрируют реальность элитизирующего сценария как для отдельной личности, так и всего общества, что требует специального изучения и представляется крайне актуальным для подобного исследования.

Степень научной разработанности проблемы практик праздности и механизмов их влияния на современную молодежную культуру пока недостаточна. В существующей научной литературе фактически отсутствует сам термин «практики праздности», хотя подобная социокультурная проблема существует давно, пусть и в разрозненном, несистематизированном виде. Например, отечественный философ С.Рассадина говорит о «практиках удовольствия», что достаточно близко, но все же не тождественно предмету нашего исследования. С другой стороны, слабо изучен как сам феномен праздности и культурные особенности практик праздности, так и спектр их влияния на мировоззрение и социальную активность молодежи.

В то же время, показательно, что уже в античной философии (для Платона и, особенно для Аристотеля) характерно понимание практики не только как формы «политической» (т.е., социальной) активности, но и как созерцательности, умозрения, которое ставится ними выше любой чувственной деятельности. Это уже свидетельствует о включенности в содержание данной категории определенного компонента «праздности» (любая социокультурная практика, тем самым, непосредственно коррелирует с праздностью). Впоследствии, уже в позднеантичной традиции (гностицизме), а затем в

средневековом христианстве различение практики и умозрения приобрело характер радикального противопоставления, что повлияло на существенное сужение содержания категории практики. В Новое время традиция «технологизации» и инструментальной интерпретации практики продолжилась, что не могло не повлиять на формирование знаменитой марксистко-ленинской формулы «практика – критерий истины».

На современную трансформацию значения термина «практика», который все чаще упоминается во множественном числе, указывает и «Новая философская энциклопедия» (2001), и наиболее авторитетные российские специалисты В.Волков и О.Хархордин, которые в своей монографии «Теории практик» приводят анализ взглядов западных философов – сторонников прагматической интерпретации категории практик для социальных наук как культурных практик, характерных и для «тела», и для «духа» (М.Мосс), обусловленных процессами усложнения, «цивилизовывания» пространства жизни (Н.Элиас), порождаемых механизмом влияния «габитуса» (П.Бурдье) и т.д. Для нас практики праздности содержательно выступают в том же методологическом поле, в котором работают указанные современные авторы, поскольку и сама категория культурных практик пока до конца научно не определена, а вводимое нами понятие «практик праздности» интегрирует различные стороны этого феномена.

Философские концепции, посвященные праздности (Фалеса, Сократа, Аристиппа, Платона и Аристотеля, Августина, Лао Цзы, Будды, Б.Рассела, Д.Агамбена, А.Метлева и др.), фактически рассматривают преимущественно онтологические, гносеологические и этические аспекты практик праздности. В то же время, анализ влияния праздного образа жизни на молодежь традиционно остается вне поля зрения. Современные социологические и культурологические исследования различных культурных практик молодежи (А.Кравченко, Е.Омельченко, Л.Тенниковой, Т.Щепанской, О.Чепурной и Л.Шпаковской, С.П.Гурина и др.) затрагивают лишь отдельные аспекты существования праздности в контексте преимущественно ювенологических изысканий и потому лишены целостного подхода к заявленной теме исследования. Показательно, что философы и культурологи, освещающие особенности тех или иных практик праздности и праздных социальных сообществ (Т.Веблен, М.М.Бахтин, О.В.Аронсон, А.А.Маслов, В.А.Мизиано, В.Ю.Михайлин и др.), лишь косвенно обращают внимание на проявления праздности непосредственно в молодежных практиках и субкультурах. Только немногие современные культурологические исследования (Ф.Джексона, Л.Гарнье, Б.Брюстера и Ф.Броутона, И.Б.Губанова, С.Кузнецова, С.Коупленда) хоть и не в полной мере, но значительно приближаются к комплексному анализу практик праздности в культурной деятельности современной молодежи.

К *методологическому блоку* источников по теме диссертационного исследования следует отнести работы П.Бурдье, М.Мосса, М.Фуко, Н.Элиаса, В.В.Волкова, О.В.Хархордина, С.С.Хоружего, С.А.Рассадиной, осуществляющих культурологический, исторический и социологический анализ понятия «практики». В числе авторов, затрагивающих значимые

теоретико-методологические вопросы изучения культурных аспектов практик, опыта праздности и их социальных проявлений следует, прежде всего, отметить таких специалистов в области философской интерпретации культурных основ человеческого бытия, как Ж.Батая, М.Бланшо, Ж.Л.Нанси, В.А.Подорогу.

Современные исследования праздности и праздных социальных групп основываются на переплетении культурных традиций – философской, мифологической, художественно-публицистической, мемуарно-биографической. Первичное осмысление практик праздности демонстрировалось еще в древних космологических и мифологических системах Востока и Запада, в размышлениях античных и средневековых философов, в классических и современных художественных произведениях. Здесь нами используются идеи и концепции Сиддхартхи Гаутамы (Будды), Лао Цзы, Гесиода, Фалеса, Сократа, Аристиппа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки, Августина Блаженного, Ансельма Кентерберийского, Бенедикта, Иоанна Златоуста, М.Монтеня, Б.Мандевиля, У.Блейка, а также мифологические, культурологические и историко-философские исследования соответствующих периодов: А.А.Маслова, Е.А.Торчинова, Плутарха, Диогена Лаэртского, А.Ф.Лосева, Б.Рассела, Г.К.Ашина, Ф.Х.Кессиди, М.Суини, М.Л.Андреева, Ф.Ницше, Ф.Лассарага, В.Ю.Михайлина.

В современной науке, как отечественной, так и зарубежной, исследователями, к сожалению, изучались лишь отдельные аспекты феномена праздности и практически всегда в частных, отличных от целостного понимания, контекстах – экономических, психологических, этнографических, лингвистических и т.д. Здесь нами используется блестящий труд американского социолога рубежа XIX-XX веков Т.Веблена «Теория праздного класса», эссе выдающегося британского философа и общественного деятеля Б.Рассела «Похвала праздности», где впервые в современной науке подчеркивается конструктивный, социально-необходимый и культуротворческий характер праздных и досуговых практик. Из немногочисленных современных исследователей, непосредственно обращавшихся к тематике практик праздности, следует отметить выдающегося отечественного историка культуры и философа М.Бахтина, продуктивно осмыслившего средневековую народную смеховую культуру, особенно в контексте конструктивной, социально-стабилизирующей роли карнавала как достаточно яркого проявления практик праздности.

В числе последних, наиболее интересных исследований праздности следует особо отметить труды Дж.Агамбена, О.В.Аронсона, В.А.Мизиано. Так итальянский философ-эстетик Дж.Агамбен предложил оригинальную антропологическую концепцию праздности, в которой обнаруживает онтологическую зависимость праздности с функционированием ведущих политических институтов западного общества. В свою очередь, российский культуролог О.В.Аронсон интерпретирует богему как исключительно праздное, и в то же время, творческое, элитарное сообщество. А В.А.Мизиано проводит анализ феномена «тусовки» как специфической разновидности праздного

сообщества. Описание и анализ праздности в восточных культурах и их влияния на современные соответствующие практики блестяще демонстрируется в трудах отечественных ученых-востоковедов Е.А.Торчинова и А.А.Маслова. Историко-философское и культурологическое осмысление категорий праздности и лени, их соотношения и нетождественности всесторонне осуществлено российским философом О.П.Зубец. Первым и достаточно успешным шагом в создании целостной концепции праздности можно считать изыскания современного украинского философа А.Метлева, в статье которого «Феноменология праздности» предпринимается смелая попытка экзистенциальной характеристики философской и социокультурной роли праздности и объяснения ее природы.

Если обратиться к проблематике культурного становления элитарной личности, процессов элитизации и депривации в молодежных сообществах под влиянием практик праздности, то здесь также наблюдается дефицит социокультурных исследований. В то же время, налицо возрастание потребности среди научного сообщества в изучении факторов и глубинных механизмов элитизации личности и сценариев ее разрушения. Примером тому являются научные школы современных российских элитологов Г.К.Ашина и П.Л.Карабущенко, на протяжении последних лет успешно развивающие подобные исследования. Так, философское понимание элитизации в нашей работе базируется на определении П.Л.Карабущенко, интерпретирующем ее как поэтапный, творчески направленный процесс формирования элитных качеств, самообразования индивидуальности и ее поэтапного восхождения в ранг уникальной личности. Противоположный по направленности и результатам социокультурный механизм – это депривация (в отношении элит – «элитоцид»), приводящий к деградации, вырождению, саморазрушению личности и ее культурного окружения. В то же время, соответствующий категориальный аппарат исследования и его проблемное поле основывается не только на классическом описании социокультурной динамики элит Г.К.Ашина, П.Л.Карабущенко, Ч.Р.Миллса, Р.Михельса, Г.Моски, Х.Ортега-и-Гассет, В.Парето, П.Сорокина, но и на трудах таких специалистов в области теоретической социологии и смежных дисциплин, как М.Алле, Д.Белла, П.Бурдье, А.Этциони, В.Л.Иноземцева, А.С.Панарина.

В многочисленных философско-культурологических и социологических исследованиях «массового общества» и современного «общества потребления» практики праздности иногда интерпретируются как признаки «общества развлечений» и «общества досуга» (Д.Белл, Ж.Бодрийар, Ж.Делез, Ф.Гваттари, Ги Дебор, Ж.Дюмазедье, Г.Маркузе, А.Этциони, В.И.Ильин, В.Л.Иноземцев). В силу этого, подобные разработки также могут быть продуктивно использованы для исследования практик праздности.

Еще одним направлением философско-культурологических изысканий в анализе генезиса и современного состояния молодежных практик праздности выступают труды представителей во многом праздной молодежной (контр)культуры – Р.Ванейгема, Д.Керуака, К.Кизи, Э.Хоффмана и др. Сюда же следует отнести автобиографические исследования британского социального

антрополога Ф.Джексона «Клубная культура», а также выдающегося французского музыканта и композитора Л.Гарнье «Электрошок. Записки Диджея», посвященные рассмотрению специфики зарождения и функционирования клубной культуры на широком эмпирическом материале молодежных практик праздности.

Таким образом, первичный анализ широкого круга первоисточников, исследований, посвященных социокультурным интерпретациям практик праздности, мемуарной и комментирующей литературы, позволяет констатировать сложившееся предметное поле диссертации. В то же время, оно до сих пор представлено фрагментарными и несистематизированными исследованиями, что актуализирует необходимость формирования целостного, междисциплинарного подхода к изучению особенностей практик праздности молодежи в пространстве современной культуры.

Объектом исследования являются индивидуальные и коллективные практики праздности в культуре.

Предметом исследования выступают механизмы влияния практик праздности на формирование современной молодежной культуры.

Цели и задачи исследования.

Основной целью диссертации является выявление особенностей формирования и функционирования практик праздности в пространстве современной молодежной культуры.

Достижение данной цели подразумевает выполнение **следующих исследовательских задач**:

- изучить особенности интерпретации практик праздности в контексте западной и восточной культурных традиций;
- проанализировать специфику трансформации осмысления праздности в различных философских и социокультурных концепциях;
- рассмотреть постмодернистскую интерпретацию практик праздности в молодежных сообществах XX – XXI вв.;
- раскрыть механизмы элитизации и депривации в практиках праздности современной молодежной культуры;
- охарактеризовать социокультурные параметры современных антипотребительских молодежных практик праздности.

Хронологические рамки исследования определяются спецификой формирования практик праздности как неотъемлемого элемента развития цивилизации, начиная с анализа их места в древнейших мифологических и космологических представлениях, культуре Античности, Средних веков, Нового времени и заканчивая рассмотрением современных практик праздности и способов их интерпретации.

Методологическую и теоретическую основу исследования составляют культурно-исторический, компаративный подходы, которые позволяют определить общее и отличное в практиках праздности различных эпох, культур и сообществ, а также выявить общие закономерности в конструировании практик праздности и их влиянии на дальнейшие социокультурные сценарии развития личности. С другой стороны, целесообразно использовать

аксиологический подход, предоставляющий возможность адекватного измерения роли описываемых социокультурных феноменов. Для иллюстрации теоретических разработок широко используется фактографический метод. При анализе и оценке конкретных культурных практик применяются аналитико-синтетический, интерпретационный и интеграционный методы, позволяющие наиболее адекватно соотносить теоретические и эмпирические данные смежных дисциплин.

Поскольку проблематика влияния практик праздности на современную молодежную культуру в настоящем исследовании рассматривается в антиномичной плоскости, как возможности позитивного (элитизация) и негативного (депривация) сценариев и их взаимообусловленности, то применяется также диалектический метод, обеспечивающий возможность целостного и динамичного понимания изучаемой проблемы.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нём впервые предпринята попытка целостного философско-культурологического анализа индивидуальных и коллективных практик праздности и механизмов их влияния на современную молодежную культуру, а также обнаружена и обоснована специфическая культурная функция праздности, состоящая в стимулировании творческой и социальной активности как элитарных, так и иных молодежных сообществ.

Научная новизна диссертационной работы выражается в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. практики праздности составляют важнейшую часть мировой культуры, выступают социально-инновационным ресурсом, ключевым инструментом эзотерического самопознания и духовного развития личности;
2. практики праздности, характерные для молодежных сообществ второй половины XX века, являются идейным фундаментом формирования социокультурной идентичности и преемственности поколений западного общества;
3. культурно-историческим ядром практик праздности молодежи в современном обществе является идеология движения хиппи, опирающаяся на опыт специфического переосмысления мировой философии и культуры;
4. социокультурное влияние практик праздности детерминировано диалектикой элитизации и депривации как двух основных механизмов воздействия на личность или молодежные сообщества в целом;
5. элитизация выступает особым социокультурным и экзистенциальным механизмом самосовершенствования личности или социальной группы, в процессе которого приобретается элитарный социальный статус и/или исключительный духовный опыт, наоборот, депривация является утратой личностью ранее достигнутых социальных позиций, сопровождающаяся девальвацией духовных ценностей и невозможностью реализации значимых жизненных потребностей;
6. праздность выступает важным социокультурным фактором, стратифицирующим молодежь на элитарную, реализующую полученный в праздных практиках опыт в качестве «культурного капитала»,

инвестируемого в личностный и профессиональный рост; и массовую, низводящую праздность к затратному потреблению материальных благ и развлечений;

7. ряд современных практик праздности имеет культурно-реабилитационный и социально-терапевтический эффект, который позволяет обеспечить адаптацию и успешную социализацию молодежи в современном обществе.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Материалы и выводы диссертации могут способствовать углублению знаний о природе и специфике проявлений практик праздности в современной культуре, характере их влияния на отдельного индивида, молодежные сообщества и социум в целом. Они также позволят установить место молодежных праздных практик в современных моделях взаимодействия поколений, различных социокультурных общностей и определить перспективы трансформации практик праздности в контексте повсеместной экспансии информационного общества.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской и преподавательской деятельности, в частности, при разработке учебных дисциплин культурологической, философской, социологической, ювенологической, политологической и управленческой направленности, в качестве информационно-методического обеспечения социальной работы с молодежью и подростками.

Апробация работы.

Выводы и отдельные положения выполненной диссертационной работы были изложены в ряде научных выступлений и докладов: Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира» (Великий Новгород, 10.2008); VII Международной научной конференции «Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе» (Липецк, 05.2009), 5-й Международной конференции «Потребление как коммуникация» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 06.2009); Всероссийской научной конференции с международным участием «Бренное и вечное: идеология и мифология социальных кризисов» (Великий Новгород, 10.2009); Всероссийской научно-практической конференции с элементами научной школы для молодежи «Праздник в пространстве современной городской культуры» (Екатеринбург, УГУ, 11.2009); 6-й Международной конференции «Потребление как коммуникация» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 06.2010); Всероссийской научной конференции с международным участием «Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации» (Великий Новгород, 11.2010); II научной конференции студентов и аспирантов «Культурные идентичности: практики, символы, техники» (Москва, НИУ ВШЭ, 04.2011); Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Современные коммуникативные технологии взаимодействия с целевой аудиторией» (Томск, НИУ ТПУ, 10.2011).

Основные положения диссертационного исследования использованы в информационно-аналитической и практической работе соискателя в Областном

государственном учреждении «Дом молодежи» (г. Великий Новгород) в 2008-2009 гг., а также при проведении лекционных, практических и семинарских занятий по курсам «Этика», «Эстетика», «Философские проблемы конкретных дисциплин», «Философия», «Основы экономики», «Основы права», «Основы социологии и политологии», «Обществознание» в период с 2009 по 2012 гг. на различных факультетах и отделениях Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого и Многопрофильного колледжа НовГУ.

Результаты диссертационного исследования изложены в 16 публикациях соискателя общим объемом 4.8 п.л., в т.ч. в 3-х научных статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских и докторских диссертаций.

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, включающих 5 параграфов, заключения и списка литературы, включающего 197 наименований.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обоснована актуальность темы, оценена степень ее разработанности, сформулированы цели и задачи, объект и предмет диссертационной работы и ее методологическая основа, раскрыты научная новизна, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, а также охарактеризована апробация исследования.

В первой главе **«Праздность в истории философии и культуры»** рассматриваются историко-культурные интерпретации праздности, начиная с античной мифологии и философии, древних и средневековых восточных учений, теологических представлений Средних веков и концепций Нового времени и заканчивая современными философскими, социологическими и культурологическими теориями. Проведенный анализ и обобщения позволяют выработать обоснованную методологическую стратегию исследования особенностей функционирования и трансформации практик праздности в современной молодежной культуре.

В первом параграфе *«Становление культурологической традиции освоения "праздности"»* анализируется историко-культурный и философско-религиозный контекст интерпретации «праздности», что позволяет определить ее наиболее значимые признаки.

Практики праздности как особый социокультурный феномен стал предметом философско-культурологического осмысления уже в древности, с возникновением античной мифологии и философии, этнических сказательных эпосов, а также философско-религиозных доктрин Востока, особенно буддизма. Однако самый большой пласт размышлений о природе праздности предлагает именно древнегреческая культура. Пантеон античных божеств, ведущий праздный образ жизни в вечных увеселениях, фактически составляет сердцевину мифологии Древней Эллады. Сформировавшиеся в рамках этой мифологии культы, являлись наглядным примером праздной и добродетельной жизни, а непременным фоном выдающихся деяний богов и героев были пиры.

Они представляли собой особые практики праздной деятельности, священные мистерии, составляющие основную часть культа Диониса, пожалуй, самого главного праздного бога древних греков.

В древнегреческом понимании, пространство пира – место демонстрации элитного статуса, духовного аристократизма, личностного совершенства его участников. Кроме того, пир – возможность причащения к особому пограничному, экстатическому и эзотерическому знанию, которое Дионис приоткрывает только посвященным. В то же время, пиры, посвящая избранных в тайны богов, являлись также примером того, как изысканное и утонченное общение сочеталось с нехарактерными для обыденности проявлениями безумия и неконтролируемой жестокости. Поэтому культ Диониса – это особые практики праздности, хоть и опасные для психики, но позволяющие приобрести элитарный опыт.

Образ наставника Диониса, демона Силена, одного из главных хранителей тайного божественного знания и мудрости, впоследствии трактовался современниками как карикатура на Сократа, что демонстрирует глубинные связи праздно-эзотерической и философской традиций. Показательно, что большинство древнегреческих философов вели, по сути, праздный образ жизни, который выступал непременным условием культурного творчества. Именно эта тенденция стала смысловым стержнем, определяющим направление развития философского мировоззрения. Мы убеждаемся в этом, анализируя взгляды величайших античных философов: Фалеса, Гераклита, Сократа и некоторых его учеников, Платона и Аристотеля, эпикурейцев и стоиков. Потому философия изначально формировалась как одна из наиболее ярких форм праздности, как деятельность, лишенная непосредственной практической направленности, но крайне важная для формирования высочайшего культурного опыта. В дальнейшем, в рамках средневековой патристики и схоластики отношение к праздности в европейской культуре меняется в сторону осуждения. Анализ идей крупнейших христианских мыслителей, Августина Блаженного и Ансельма Кентерберийского, показывает, что праздность рассматривается ними в качестве особой практики монашеской духовной аскезы, предполагающей уход от мирской суеты и причащение к святости. Показательно, что даже суровая бенедиктинская мораль оставляла "лазейки" для непродолжительного праздного отдыха, ориентированного на размышления и духовный рост.

В ряде философских учений Востока праздность также выступает одним из ключевых предметов для размышлений. Так, жизнеописание основателя буддизма, молодого принца Сиддхартхи, убедительно и последовательно раскрывает онтологию праздности как необходимого условия формирования элитарной личности, способной преодолеть не только социальные, но и собственные антропологические границы. Характерно, что буддизм, как на уровне ритуалов, так и собственно его философии, наиболее органично впитали дух праздности, сконцентрировавшись на нравственном совершенствовании человеческой повседневности, преодолении социальной агрессии и отчуждения. Другой, но сходной трактовкой категории «праздности» является

этика ненасилия и *не-деяния* («У-вэй»), которая пришла в буддизм из даосской культуры. Различные, на первый взгляд, цели восточной и западной философской и религиозной традиций (достижение божественного, Нирваны, Рая и др.) могут совпадать в их конечной для духовного восхождения человека точке – состоянии воплощенной праздности как высшего онтологического состояния духа. Показательно, что праздность изначально имеет отношение к божественному и творческому, и лишена отрицательного смысла. Потому, автор рассматривает ее как альтернативный безделью и лени, особый вид социокультурной деятельности, обусловленной сознательными мотивами и причинами духовного порядка.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно констатировать *наличие* ряда смысловых пластов в интерпретации праздности как: 1) изначального природного состояния человечества в мифологическую эпоху «Золотого века», полученного им от богов и впоследствии утраченного; 2) «дикой», неразумной праздности, препятствующей духовному и физическому развитию человека; 3) аристократической свободы от труда и возможности получения чувственных удовольствий; 4) формы эзотерического познания мира в дионисийских практиках пира; 5) философской созерцательности великих мудрецов античности, абсолютизированная в атараксии стоиков и эпикурейцев; 6) способа духовного приближения к Богу; 7) необходимого элемента подержания социальной стабильности; 8) практики эскапизма и не-деяния в духовных традициях буддизма и даосизма. Практически все данные интерпретации практик праздности (кроме традиционной христианской) лишены негативной оценки и являются необходимым элементом развития общества и культуры.

Во втором параграфе *«Трансформации способов интерпретации праздности в конце XIX-XX вв.»* проанализированы наиболее значительные концепции культурных практик праздности указанного периода – Т.Веблена, Б.Рассела, Дж.Агамбена, М.Бахтина и А.Метлева. Они существенно конкретизируют культурную специфику феномена праздности и раскрывают различные аспекты влияния практик праздности на общество и молодежную культуру.

Историческими условиями возникновения «праздного класса» Т.Веблен считает, во-первых, хищнический образ жизни, проявляющийся в умении и привычке причинять другому вред с помощью военной силы *или* охотничьей хитрости; во-вторых, институт разделения труда на почетные и иные виды деятельности. Подобные причины издревле порождают праздный элитарный класс, который в дальнейшем лишь трансформируется. Т.Веблен также продемонстрировал, что именно практики праздности выступают основой становления и развития всей системы общественных взаимодействий и культурных традиций. Так, праздность представителей высшего класса распространяется и на членов их семей и даже на «обслугу», выполняющую не столько утилитарные, сколько символические функции поддержания праздного статуса. Преломленная в ряде поколений экономическая праздность элиты трансформируется в особый культурный капитал, формирует стандарты

поведения, выполняет культуротворческую миссию и является двигателем общественного развития.

Осмысление праздности продолжил и выдающийся философ, ученый и общественный деятель XX века Б.Рассел. Указывая на гипертрофированный, идеологически-ангажированный социальный статус труда, он настаивает на непреходящем значении праздности для общества и культуры. Констатируя реальные возможности принципиального перераспределения баланса времени труда и досуга, философ настаивает на актуальности науки, творчества, волонтерства, качественного культурного досуга и семейного общения. Они являются ведущими социокультурными приоритетами современности, способными освободить общество от тяжелой и монотонной работы, и перенаправить освободившееся время и усилия людей на более значимые виды деятельности.

Д.Агамбен конструирует свою концепцию «праздности», опираясь на христианско-богословские представления о человеческой истории после Страшного суда, где праведники попадают в «праздный» рай, а грешники продолжают вечно трудиться в аду. Однако если в раю господствует вечная праздность и бездеятельность, то даже сам бог «вынужден» находиться в ситуации бездействия, поскольку управлять незачем. Поскольку никакая часть мира не может существовать без божественного управления, богословы настаивают, что власть не исчезает, но трансформируется в неколебимую и лучезарную Славу. То же самое происходит и в «грешном», социально-политическом мире, когда власть, не дожидаясь «конца света», использует образ «пустого трона», чтобы автоматически продлевать свое господство. Д.Агамбен наглядно демонстрирует, что вся политическая традиции Запада стоит на присвоении неприсваемого, то есть праздности. Потому антропологическая концепция философа базируется на библейской интерпретации человека как "субботнего" существа, праздность и бездеятельность которого обуславливает его неукоренность в природе и мире. Праздность, при этом, не означает лень, без-делие, апраксию, но выступает некой формой «не-деятельности», «деятельности, лишенной деятельности», примерами которой издавна выступают искусство, политика и философия.

Определенные корреляции между праздным образом жизни, практиками праздности и карнавальной культурой присутствуют и в творчестве М.Бахтина. Раскрывая исторические, художественно-эстетические, культурологические истоки карнавала, он отмечает, что подобное действо, хоть и связывалось определенным образом с тем или иным официальным (церковным или государственным) торжеством, но, в то же время, дистанцируется от любого официозного события и власти как его источника. В отличие от официального праздника, воплощающего монументальность господствующей идеологии и закрепляющего существующий миропорядок, карнавал всегда выражал идею оппозиционности власти, был очагом народного творчества, потому и санкционировался лишь на определенное время. Это особое, вселенско-универсальное качество карнавала осознавалось и ощущалось всеми людьми, вовлекаемыми в его праздничную стихию, и потому формировало необычный

телесный и социально-экзистенциальный опыт, далекий от повседневности и полностью не рационализируемый.

Современный украинский исследователь А.Метлев пытается определить специфику праздности посредством выявления ее феноменологического и экзистенциального статуса. Праздность для него предстает внеморальным феноменом и практикой «интеллигибельного созерцания просто так». Показательно, что автор соотносит праздность с хайдеггеровской идеей заботы, а первую очередь, о себе. Подобное состояние нетождественно традиционному пониманию заботы как погружения в суету и хлопоты «озабочивающего мира». Человек, по мнению А.Метлева, призван заботиться только о своем личностном становлении и развитии, что фактически означает элитизацию под влиянием праздности. Основные теоретические посылки и выводы А.Метлева совпадают с позицией автора о принципиальном культурном отличии феноменов праздника и праздности.

Вторая глава ***«Молодежная культура в контексте современных практик праздности»*** посвящена рассмотрению основных молодежных практик праздности, исторически сформировавшихся в соответствующих сообществах второй половины XX века, тяготеющих к контркультурной и праздной направленности (битников и хиппи, ситуационистов, панков, иксеров, рейверов), а также широко реализуемых в рамках современных молодежных культурных сценариев (клубной культуры, дауншифтинга, молодежного туризма, культурного пространства «золотой молодежи»). Выбор в качестве объекта изучения данных социальных групп и сообществ, на первый взгляд совершенно различных по природе и даже противоположных по ряду признаков, обусловлен наибольшей степенью социальной активности и творческой восприимчивости этих слоев молодежи к новым идеям. Это обстоятельство способствовало появлению и апробации внутри этих сообществ новых культурных практик праздности и опыта рефлексии по их поводу.

В первом параграфе *«Постмодернистские практики праздности в молодежной культуре»* на материалах постмодернистских концепций праздности исследуется структура, содержательные особенности и социокультурная эволюция молодежных сообществ (преимущественно стран Запада) праздной, протестной, эскапистской ценностно-идеологической направленности.

Сообщества «битников» и «хиппи» во второй половине XX века первыми среди молодежных групп провозгласили идею праздности в качестве оптимальной жизненной стратегии и ведущего способа личностного духовного роста. Социокультурный и философский анализ мировоззрения битников и хиппи обнаруживает глубокое освоение и последующую концептуализацию этими богемными и молодежными сообществами различных философских доктрин: дзэн-буддизма и марксизма, экзистенциализма и гедонизма, эскапизма и философии ненасилия. Хиппи как представители первой массовой молодежной субкультуры, достойные продолжатели идеологии и практики «битничества» оказали значительное влияние на всю социокультурную и политическую историю современности. Они во многом инициировали антивоенное, антиядерное и ряд экологических общественных движений,

развернули борьбу за права человека, способствовали разворачиванию «сексуальной» и «психоделической» революций. В то же время, деятельность хиппи явилась первым результатом широкого внедрения практик праздности в повседневную жизнь и культуру широких общественных слоев и молодежи, в частности.

Последователями хиппи стали «йиппи» и «ситуационисты», которых отличала большая активность в реализации своих идей, использование художественно-провокационных, политических, а иногда и откровенно силовых методы противостояния власти. Контркультурные философско-теоретические посылки ситуационистов (М.Макларена, Ги Дебора и др.) впоследствии нашли свое место в трудах более «академичных» мыслителей – А.Камю, Ж.Бодрийяра, Э.Фромма, Г.Маркузе, повлияли и на постмодернистскую интеллектуальную культуру. В числе продолжателей традиции внедрения практик праздности в социокультурное пространство следует указать субкультуру панков, поколение «иксеров», а также новейшие течения рейв-культуры и иных форм праздности и эскапизма («дауншифтинг», клубная культура).

Важнейшим достижением молодежной активности второй половины XX века стало переосмысление культурных практик праздности в контексте общественных трансформаций. Отличительной особенностью практик праздности наиболее известных молодежных сообществ второй половины XX века является ранее не присутствовавшая в данной культурной традиции протестная направленность, выражаемая либо в активной борьбе, в форме «бунта» или «революции», либо ориентированная на эскапистское отношение к господствующей социальной реальности. Кроме этого, новая культурная традиция праздной молодежи оказывается синкретичной, эклектично впитав в себя те или иные философско-культурологические, политические или религиозные идеи. Наконец, важнейшей особенностью развития практик праздности этого периода является их повсеместная ювенализация – впервые в истории социальных движений новым общественным актором, «культурной аристократией» стала молодежь, что фактически предопределило возрастание значения молодежи в социокультурных процессах конца XX – начала XXI века.

Во втором параграфе *«Праздность в культурных практиках "золотой молодежи"»* раскрывается содержание феномена «золотой молодежи» как важнейшего типа праздных социальных элит современности, а также анализируется соотношение присущих этому сообществу практик праздности с ведущими социокультурными параметрами «общества потребления». Отмечается принципиальное отличие «золотой молодежи» от иных праздных сообществ и утверждается тезис об изначальном отказе ее представителей от претензий на формальное лидерство в системе государственной власти и управления в пользу маргинальных и нетрадиционных способов социокультурной идентификации.

С другой стороны, важнейшим социальным ресурсом "золотой молодежи" является ее "культурный капитал" как основной способ демонстрации элитарности и возможности получения различных социальных

преимуществ. Подобный социокультурный ресурс включает в себя элитное образование, специфический набор корпоративных норм и ценностей, особый коммуникативный опыт и т.д., формирующийся в ходе длительной социализации в исключительно элитарной среде. Примечательно, что помимо благосостояния семьи, ее связей и иных общественно значимых ресурсов, немаловажную роль в становлении элитарной личности играют и ее собственные способности и усилия. В силу этого, "золотой молодежью" можно именовать не только выходцев из наиболее значимых социально-политических и финансовых кругов, но и представителей культурной, спортивной, научной среды, социальное происхождение которых может быть далеко не элитарным. "Золотая молодежь" как разновидность социальных и культурных элит хоть и отдает порою предпочтение публичным и медийным практикам праздности, но все же является важнейшей социальной группой, обладающей достаточным инновационным, творческо-эвристическим потенциалом, а потому представляющей и апробирующей новейшие социокультурные тренды.

Социальные стереотипы в отношении "золотой молодежи" сводятся к констатации ее паразитарно-потребительского образа жизни. Это приводит к формированию альтернативного элитарному способа удовлетворения человеком своих жизненных потребностей. «Завистническое сравнение» провоцирует конституирование потребительских практик праздности как ведущего социокультурного идеала, всецело соответствующих принципам «общества потребления». Полагаясь на потребительскую модель практик праздности, обыватель превращается в «одномерного» экономического агента (Г.Маркузе), рассматривающего себя и окружающих лишь с позиции выгоды. Таким образом, если практики праздности "золотой молодежи" в целом можно охарактеризовать как конструктивный и необходимый элемент ее элитарности, то праздное потребление как основная социально-культурная стратегия современной массовой молодежи выступает негативным результатом ее подражания культурным образцам элит.

В третьем параграфе *«Праздность в антипотребительских молодежных практиках»* анализируются практики праздности современной молодежи, альтернативные ведущим социокультурным моделям «общества потребления».

Характерной чертой многих современных молодежных практик праздности является их демонстративно-антипотребительский характер, граничащий с эскапизмом. Это связано, прежде всего, с острым кризисом «общества потребления» и многочисленными социокультурными трансформациями современной цивилизации, знаменующими возникновение постматериалистического и постэкономического мировоззрения. Новые для современной молодежи праздные практики хотя и обусловлены технологическими возможностями информационного общества, однако ориентируются на обретение, альтернативного обыденному, индивидуального экзистенциального опыта, способствующего самоактуализации личности и преодолению социального отчуждения. Современное социокультурное пространство допускает существование целого ряда неофициальных практик праздности, глобальный масштаб которых позволил частично преодолеть

доминанту маргинального уровня молодежных субкультур. К ним можно отнести целый ряд культурных практик, имеющих ярко выраженный праздный характер: клубную культуру (клабинг), рэйв, дауншифтинг и событийный молодежный туризм.

Наиболее распространенной формой современных практик праздности в молодежной среде является клубная культура. Клабинг как современная форма праздности и культурного досуга имеет в истории культуры свои аналоги – балы, приемы, карнавалы, однако в качестве особого способа чувственно-эмоциональной, социокультурной деятельности, развивающейся в пространстве ночных клубов, он уникален и потому требует специального изучения. Исторически молодежная клубная культура возникает благодаря движению хиппи, хотя на современном этапе клабинг внешне сильно отличается от молодежных устремлений 1960-х годов.

Поскольку клубная среда осуществляет отбор и фильтрацию своих членов, она изначально позиционируется как элитарная. Однако подобная практика влияет и на процессы стратификации и идентификации не только внутри конкретного молодежного сообщества, но и во «внешнем» мире. Клабинг на современном этапе его развития представляет уже не только досуговую деятельность, оказывающую заметное влияние на социокультурное поведение индивида вне клубов, но и в качестве особой практики праздности становится своего рода культурно-антропологической стратегией, направленной на преодоления человеком самого себя, но не в форме индивидуальной аскезы, а в русле праздного коммуникативного взаимодействия.

Другой яркой альтернативной культурной практикой современности и праздной жизненной стратегией, присущей преимущественно молодежи, является «дауншифтинг» – система ценностей, выражаемая в стремлении к «жизни ради себя», «отказу от чужих целей». Последователи этого движения дистанцируются от пропагандируемых идеалов «общества потребления», ориентируясь на семейные ценности, собственное личностное и духовное развитие. Культурные практики дауншифтинга в новейшей истории возникли и распространились на рубеже XX-XXI вв. среди молодых менеджеров и руководителей среднего звена различных бизнес-корпораций и воплотились в форме добровольных увольнений, переходов на нижестоящие ступени социальной и/или профессиональной лестницы, переездов в пригородную/сельскую местность или экзотические страны (временно или постоянно). Как и практики клабинга, дауншифтинг ориентирован на преодоление социального отчуждения, а их идеи напоминают духовные поиски хиппи и даже буддизма. В условиях информационного общества дауншифтинг из индивидуального выбора превратился в моду, особое социокультурное явление, способ социальной мобильности, присущий представителям высших слоев «среднего класса» и социальных элит. Поэтому можно говорить о том, что дауншифтинг в качестве практики праздности является элитарным как в ценностно-нормативном, так и в институциональном смысле.

Менее «антисоциальным» в массовом понимании, но очень похожим с вышеописанными практиками «по духу» и характеру деятельности предстает и другой современный вид практик праздности в молодежной среде, который связан с реализацией «событийных» форм туристского досуга. Под «событийным» туризмом понимается целенаправленное путешествие не просто с ознакомительными, рекреационными или деловыми задачами, а, главным образом, для посещения и активного участия в том или ином значительном культурном, развлекательном, спортивном или ином мероприятии («событии») – крупном музыкальном фестивале, национальном празднике, любом другом уникальном представлении. Подобные практики праздности и получаемый с их помощью культурный и экзистенциальный опыт – это не только новые знания, но и, в первую очередь, совокупность чувств, эмоций, связанных с открытием новых социальных, культурных и природных горизонтов. В «событийном туризме» как виде молодежных практик праздности также без труда можно обнаружить присутствие элементов культуры хиппи, формировавших свой праздный опыт посредством изучения разнообразных этнических, географических и социокультурных пространств.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы, обобщающие основные положения проделанной работы, и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы, высказываются рекомендации по практической реализации предложений, вытекающих из содержания диссертации.

Логика современных философско-культурологических исследований праздности может быть концептуализирована в ряде основных тезисов. Во-первых, праздность как особый культурный феномен отражает изначальную и неотчуждаемую сущность человека, оказывает существенное влияние на его духовное развитие и потому относится к сфере социальной онтологии. Во-вторых, миссия практик праздности в культуре связана преимущественно с ее конструктивным, творческим, развивающим, рефлексивным и экзистенциальным характером воздействия на индивида, утрачиваемым лишь в исключительных случаях. В-третьих, практики праздности формируют особого рода социальные представления некоторых групп молодежи, ориентированные на эскапистские и протестные жизненные стратегии, воплощающиеся и реализуемые в социально-приемлемых нормах в рамках соответствующих практик праздности (клабинге, дауншифтинге, «событийном туризме», художественном творчестве, общественной и волонтерской деятельности и др.). И, наконец, практики праздности неразрывно связаны с процессами социализации и культурного формирования поколений молодежи, в особенности ее высших, элитарных слоев, где они представляют один из механизмов приобретения и передачи социального опыта как особого культурного капитала.

В качестве перспектив развития темы исследования видится углубленное изучение смежных с предметом диссертации социокультурных явлений (праздник, игра, деятельность и без-деятельность, не-деяние, лень, порочность и разврат, досуг, развлечения, гедонизм и т.д.); с другой стороны, необходимо

качественное расширение эмпирической базы философско-культурологических исследований практик праздности в современном обществе в направлении изучения механизмов формирования и специфики функционирования общественно-политических, этнических, профессиональных, конфессиональных, неформальных и других молодежных сообществ.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Праздность как фактор формирования личности в ранней европейской философской традиции [Текст] // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 119–124, [0,5 п.л.];
2. Youth Event Tourism As Existential Experience of Creative Idleness. (Молодежный событийный туризм как экзистенциальный опыт творческой праздности) [Текст] // Научный журнал Сибирского федерального университета. – 2011. – Т. 4. – № 3. – С.380–385, [0,4.п.л];
3. Практики праздности, недеяния и эскапизма в молодежных сообществах XX века как стратегии элитизации личности [Текст] // Вестник НовГУ (серия Гуманитарные науки). – 2011. – № 63. – С.10–13, [0.4 п.л.].

Статьи, тезисы по теме диссертации:

4. Исследование «Золотой молодежи» как философская и социокультурная проблема [Текст] // Берестень: философско-культурологический альманах / редкол. М.Н. Громов, А.П. Донченко и др. ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №2(2). – С. 241–246, [0,3 п.л.];
5. К 40-летию поколения «мечтателей»: от мифов эпохи «хиппи» и «студенческой революции» 1968 года – к ритуалам потребления культуры в информационном обществе [Текст] // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира: Материалы Всерос. науч. конф. 21-22 окт. 2008 г. ; редкол. А.П. Донченко, А.А Кузьмин и др. ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. – С. 258–263, [0,3 п.л.];
6. Молодежный курорт «Республика «KaZантип»»: воплощение земного рая или «пир во время чумы»? [Текст] // Берестень: философско-культурологический альманах ; редкол. М.Н. Громов, А.П. Донченко и др. ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2009. – №1(3). – С. 356–363, [0,4 п.л.];
7. Клубная культура как социальная практика эмоционально-чувственного возвращения в реальность [Текст] // Берестень: философско-культурологический альманах ; редкол. М.Н. Громов, А.П. Донченко и др. ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2009. – №1(3). – С. 363–369, [0,4 п.л.];

8. Элитарный опыт как фактор идентичности элит [Текст] // Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе / Сб. ст. и тез. док. VII междунар. науч. конф. Май 2009. – Липецк : ЛГТУ, 2009. – С. 42–44, [0,1 п.л.];
9. «Потребление опыта» как способ социальной идентичности в «клубной» среде [Текст] // Потребление как коммуникация – 2009: Материалы 5 междунар. конф., 26-27 июня 2009 г. ; под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – С.169–171, [0,2 п.л.];
10. Депривация социального пространства как условие и модель глобальных и региональных кризисов [Текст] // Бренное и вечное: идеология и мифология социальных кризисов: Материалы Всерос. науч. конф. 20-21 окт. 2009 г. ; редкол. А. П. Донченко, Г.Э. Бурбулис и др. ; НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 190–192, [0,2 п.л.];
11. Праздность как социальный идеал консьюмеристских и эскапистских стратегий [Текст] // Потребление как коммуникация – 2010: Материалы 6 междунар. конф., 25-26 июня 2010 г. ; под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. – СПб. : Интерсоцис, 2010. – С. 276–279, [0,2 п.л.];
12. Новые хиппи и новые яппи: социальные ориентиры и жизненные пути современной молодежи [Текст] // Тезисы докладов аспирантов, соискателей, студентов. Ч.1. XVII научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 29 марта – 3 апреля 2010 г. / Сост. Г.В. Волошина, В.В.Шадурский. – Великий Новгород, 2010. – С. 16–18, [0,2 п.л.];
13. Экзистенциальные горизонты современного молодежного туризма [Текст] // Письма в журнал «Вопросы образования». – 2010 г. – С. 10–17, [0,3 п.л.];
14. Философия как «служанка» модернизации [Текст] // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф. 16-17 ноября 2010 г. / редкол. А.П. Донченко, Г.Э. Бурбулис, Ю.В. Синеокая, А.А Кузьмин, А.Г. Некита, С.А. Маленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010. – С. 306–308, [0,2 п.л.];
15. Элитарный опыт: механизмы формирования и приращения [Текст] // Вестник Удмуртского университета (серия Философия. Социология. Психология. Педагогика). – 2011. – Вып. 2. – С.6–9, [0,2 п.л.];
16. Научно-образовательные стратегии молодежного туризма [Текст] // Современные коммуникативные технологии взаимодействия с целевой аудиторией: сборник трудов молодежной научно-практической конференции; Томский политехнический университет. – Томск : Из-во ООО «СПБ Графикс», 2011. – С. 397–400, [0,4 п.л.].

Изд. лиц. ЛР № 020815 от 21.09.98.
Подписано в печать 20.02.2012 г. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ.л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ №6
Издательско-полиграфический центр
Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б.Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано в ИПЦ НовГУ им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б.Санкт-Петербургская, 41.